

0361

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кара Колтер

МОЙ ГЕРОЙ

Погари себе мерту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кара Колтер

Мой герой

Серия «Любовный роман – Harlequin», книга 361

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6277833
Мой герой: Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04663-5

Аннотация

Полицейский Оливер Салливан сдержан и осторожен в общении с людьми. Он привык к одинокой жизни и не любит быть в центре внимания. Но один необдуманый благородный поступок привлек к нему интерес множества людей, И в их числе некая Сара Макдугалл, которая убеждает Салливана использовать эту популярность для благих целей.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кара Колтер

Мой герой

Глава 1

Оливер Салливан, к которому давно обращались только по фамилии, понял, что Сара Макдугалл раздражает его больше, чем кто-либо. А раздражали его многие.

Встречи с неприятными людьми – это неизбежные минуты службы в полиции. Нет, мисс Макдугалл не была преступницей. Хотя иные преступники, по мнению Салливана, были более обаятельны, чем она. А они ведь еще даже не общались воочию! Все их общение ограничивалось автоответчиком. Салливан никогда не видел ее и был бы только рад, если бы не пришлось встречаться. Но она уже ходила к его боссу. Одного ее голоса на автоответчике было достаточно, чтобы вызвать неприязнь, а ее настойчивость только усиливала это чувство. Но раздражал не сам голос. Раздражала требовательность этого голоса и та просьба, которую он озвучивал. «Пожалуйста, перезвоните мне. Нам нужно поговорить, мистер Салливан. Это очень важно».

Когда он проигнорировал ее, она обратилась к его боссу. Салливан с раздражением размышлял над этой неприятной ситуацией.

– По крайней мере, ты должен сходить и поговорить с ней, – сказал шеф. – Если ты этого не сделаешь, то больше не останешься в Детройте. Понял?

Салливан конечно же это понял. В первые же пять минут своего пребывания на новой должности он понял, какая жизнь его ожидает.

Работа полицейского в небольшом городке штата Висконсин почти так же отличается от работы в убойном отделе Детройта, как гунн Аттила от матери Терезы.

– В каком безумии я был, когда решил жить в Кеттлбэнде, штат Висконсин? – прорычал он.

У его безумия было имя – Делла. Его старшая сестра обнаружила этот милый уголок Америки и решила переехать сюда со своим мужем дантистом и двумя сыновьями. С тех пор как жизнь Салливана пошла набекрень, она всячески уговаривала его присоединиться к их счастливой семье.

Салливан обратил свою деятельность на наведение порядка в городке. Место выглядело так, точно его изобразил Уолт Дисней или Норман Роквелл: широкие тихие улицы в тени огромных деревьев. Салливан же, дитя самых жутких районов Детройта, не мог привыкнуть к этому городу. Тем не менее он заметил, что листья на деревьях уже начали распускаться. Через открытое окно своей машины он чувствовал их запах.

На старых домиках, расположившихся под сенью деревьев, красовался американский флаг. Дома по большей ча-

сти были похожи друг на друга. Белые с бледно-желтой отделкой или бледно-желтые с белой отделкой, иногда встречались серовато-зеленые или серебристо-серые. У каждого дома была широкая веранда, белый низкий заборчик вокруг газона, вдоль дорожек тянулись ряды красочных клумб.

Но Салливан не очаровывался. Он не любил иллюзий, а именно такую иллюзию он считал особенно опасной: будто на свете еще остались абсолютно мирные и уютные места, где есть качели на веранде, светлячки в ночи и холодный лимонад жаркими летними вечерами. Что еще остались города, где двери и окна в домах не запираются, где детей без опаски отправляют одних в школу, где семьи весело проводят время за настольными играми. Места покоя и уюта. Он постоянно пытался убедить Деллу, что, возможно, и здесь не все так благополучно. Салливан был уверен, что за окнами и дверьми этих идеальных и симпатичных домов он обнаружит всякого рода тайны. Из-за своего цинизма он плохо подходил для жизни в тихом городке Кеттлбэнд.

И уж точно он не подходил для планов Сары Макдугалл. Ее сообщение на автоответчике заставило Салливана содрогнуться.

«Нам нужен герой, мистер Салливан».

Он не собирался становиться героем. И не таким образом он хотел провести свой выходной. Сейчас он сделает все, чтобы Сара Макдугалл пожалела, что нарушила его покой.

Разглядывая номера домов, Салливан наконец припарко-

вался и вышел из машины. Несмотря на то что улица выглядела сонной и тихой, Салливан насторожился. Он закрыл окно и дверь машины. Жители Кеттлбэнда могут притворяться, что ничего плохого здесь никогда не происходило, но он не оставит свою новую стереосистему без присмотра.

Потом он нашел дом по адресу Сиреневый переулок, 1716. Он не сильно отличался от остальных. Это было одноэтажное здание, покрытое дранкой, недавно покрашенное, естественно, в белый, а отделка была насыщенного оливкового цвета. Вьющаяся лоза (он предположил, что это плющ, так как других названий лозы не знал) была покрыта новыми побегами и к середине лета должна была полностью укрыть своей тенью широкую веранду.

Салливан открыл скрипучую калитку, прошел через беседку, которая скоро должна была запестреть красками и заблагоухать ароматом роз. Он машинально отметил, что кое-где бетонная дорожка к дому вздыбилась, зато вдоль нее были высажены темно-фиолетовые и желтые весенние цветы.

Он заметил это только потому, что это входило в его обязанности. Салливан замечал все. Каждую деталь. Это и делало его отменным копом. Правда, как он сам говорил, стать хорошим человеком это умение ему не помогло.

Он поднялся по широкой лестнице, пересек затененную веранду на пути к входной двери. Перед тем как нажать дверной звонок, он осмотрел мебель, что стояла на веранде.

На старых плетеных стульях, заботливо выкрашенных в

тот же оливковый цвет, что и отделка дома, лежали невероятно веселые пухлые подушки в красный и оранжевый цветочек. Веранда производила такое же впечатление, как и сам городок. Место отдыха. Комфорта. Безопасности.

Он распрямился, пытаясь отбросить все эти назойливые детали, которые смягчали его настрой по отношению к этой женщине. Может, ему стоит попытаться быть хорошим парнем. Намеки она, видимо, не понимала до сих пор. Когда ты звонишь человеку шестьдесят два раза, а тебе не перезванивают, это значит, что тебе отказывают. Найди себе другого героя.

Он отыскал старомодный дверной звонок и покрутил его. Внешняя дверь-ширма белого цвета была украшена искусственной резьбой по краям. Зеленая внутренняя была открыта, и он услышал, как эхо разносит звук звонка по всему дому. Никто не встретил его, но он решил, что открытая настежь дверь – это приглашение, обычное и простое, для любопытных глаз. Поэтому он принял это приглашение, заглядывая внутрь дома.

Дверь вела прямиком в гостиную. На входе лежал небольшой лоскутный коврик, сделанный вручную, отгораживающий вход. Это свидетельствовало о том, что хозяйка дома любит порядок и чистоту.

Сквозь открытую дверь и венецианское окно послеполу-денное солнце разлилось по деревянному полу, который уже стал золотистым от времени. Между двумя небольшими ди-

ванчиками желтого цвета, под стать цветам, что тянулись вдоль дорожки, стоял антикварный кофейный столик. Здесь также царил порядок: аккуратно сложенные журналы, в вазе – все те же желтые цветы, низко склонившие бутоны.

До этого момента Салливан не сформировал мысленный образ своей преследовательницы. Теперь он это сделал. Скорее всего, она одинокая. Не было никаких доказательств, что в доме есть мужчина. Детей тоже нет, так как не было видно разбросанных игрушек или беспорядка. Его взгляд приковал ряд постеров, развешанных на стене. Это были обложки журнала под названием «Ребенок сегодня».

Салливан готов был поспорить, что хозяйка этого дома старомодна. Без сомнения, она была полновата, с непокорными волосами, безвкусно покрашена. Хлопочет над тем, чтобы ее дом был похож на картинку, и постепенно приближается к климаксу.

Теперь, когда по дому было нечего делать, а он, безусловно, был готов к съемкам для журнала интерьеров, она обратила свое внимание на обустройство городка.

«Мистер Салливан, Кеттлбэнд нуждается в вас!»

Да, конечно. Кеттлбэнд нуждается в Оливере Салливане так же, как Оливер Салливан нуждается в зубной боли.

Сквозь открытую дверь он почувствовал едва уловимый запах. Сладкий и терпкий. Домашняя выпечка. Внезапное чувство тоски застало его врасплох.

Он снова отмахнулся от него. Отдых... Он уже отдыхал.

Целый год. Привязывать наживку к крючку и носить болотные сапоги не для него.

Салливан снова позвонил, в этот раз нетерпеливо.

Толстая серая кошка со злыми зелеными глазами вышла из коридора, плюхнулась на залитый солнцем пол и осмотрела его с неприязнью. По его соображениям, кошка идеально вписывалась в такую картину жизни. Герой... Он даже собак-то не любит. И поэтому ему не хотелось отвечать на вопросы, почему он рискнул своей жизнью ради собаки. Ни этой женщине, ни десятку других репортеров, что выслеживали его.

Салливан с силой потянул ручку двери, со скрипом открыл ее буквально на несколько сантиметров и отпустил. Дверь захлопнулась.

Он помрачнел. Странно, что здесь не принято запираить двери. Отступив на пару шагов от лестницы, он осмотрел дом.

– Она на заднем дворе. Сара сильно запустила ревень.

Салливан вздрогнул. Его бдительность была усыплена настолько, что он не заметил, что за каждым его движением следит соседка. Она была похожа на сморщенного седого гнома, прятавшегося в огромном деревянном кресле. Ее живые черные глаза смотрели на него скорее с интересом, чем с подозрением.

– Вы тот новый полицейский, – сказала она.

Так он, значит, не был незнакомцем. В маленьком городке

анонимности быть не может. Он кивнул, до сих пор немного ошеломленный тем, что люди автоматически доверяли ему только потому, что он был новым районным полицейским.

В Детройте в девяти случаях из десяти встречалась совершенно обратная реакция, по крайней мере в тех сложных районах, где он работал.

– Доброе дело вы сделали с этой собакой.

Хоть где-нибудь на земле есть человек, который еще не знает об этом? Если бы она только догадывалась, сколько раз с тех пор он думал, что нужно было оставить эту тварь в потоке бушующей реки, вместо того чтобы прыгать за ней.

Он вспомнил, как потом она терлась об него, пока он лежал на берегу реки, хватая ртом воздух. Насквозь промокший щенок улегся на его груди прямо над сердцем, скуля и облизывая его.

Салливан на самом деле не хотел гибели щенка. И не хотел, чтобы этот человек с мобильным телефоном снял и выложил в Интернет, как он прыгнул в бушующую реку Кеттл. Такое ощущение, будто весь мир посмотрел запись.

– Как собака? – спросила она.

– Все еще у ветеринара, – ответил он, – но с ней все будет в порядке.

– Хозяин еще не объявился?

– Нет.

– Что ж, я уверена, что люди в очередь выстроятся, чтобы забрать ее себе, если хозяин не отзовется.

– О да, – согласился он.

Теперь отделение полиции Кеттлбэнда ежедневно получало дюжины звонков по поводу этой собаки.

Салливан прошел по узкой бетонной дорожке, которая вела в проход между домами. Далее тропинка расширялась и вела на длинный, узкий задний двор. Другого слова, кроме как «очаровательный», ему не пришло в голову.

На мгновение он остановился, вдыхая эти ароматы: листья, будто натертые воском, вековые деревья, изогнутые клумбы цветов. Создавалось впечатление, будтоходишь в чье-то личное убежище. Или какое-то священное место.

Салливан снова фыркнул, чувствуя себя немного неловко.

И вот теперь он увидел ее. Она сидела на корточках около ограды с буйно растущими цветами, листья которых были величиной с ухо слона. Она была полностью поглощена своим занятием – обрыванием тонких красных стеблей этих крупнолистных растений. Это, наверное, тот самый ремень, о котором упомянула соседка.

Возле нее уже лежала кипа этих стеблей. Тень от широкополой шляпы скрывала ее глаза, а свет падал на рот, освещая прикушенный от усердия язык.

На ней была бесформенная майка в цветочек и белые шорты, испачканные землей. От изящных очертаний ее длинных ног, уже слегка загорелых, у него перехватило дыхание.

Он наблюдал за тем, как она энергично обрывала одно из

растений. Как только стебель отделился от земли, она почти катапультировала его за спину. Когда она выпрямилась, то неожиданно замерла, будто почувствовав, что рядом кто-то есть.

Не поднимаясь, она медленно повернулась на пятках, слегка недоуменно наклонила голову и посмотрела на него, возможно, даже слегка расстроенная, что ее застали врасплох за такой работой.

Если это Сара Макдугалл, то ей явно не было и тридцати. Она была совсем без косметики. Пряди выющихся каштановых волос, выбившихся из-под шляпы, обрамляли ее милое личико. По слегка курносому носу была разбросана россыпь едва заметных веснушек. Зато ее глаза были просто очаровательны. Он хорошо умел читать по глазам. Это намного сложнее, чем кажется многим. Лжец может смотреть вам прямо в глаза, даже не моргая. У убийцы могут быть глаза мягче бархата и нежнее, чем у олененка.

Но одиннадцать лет службы в одном из самых суровых убойных отделов мира отточили навыки Салливана до такой степени, что его сестра, не без тени восхищения, называла его способность узнавать правду о людях пугающей.

Глаза этой женщины были большими, светло-карего цвета и потрясающе, убийственно прекрасными. Она, несомненно, была самой что ни на есть «американской» девушкой, в полном смысле этого слова. Здоровая, очаровательная. Возможно, невероятно наивная.

И вместо того, чтобы выплеснуть на нее свое раздражение, вместо того, чтобы вспомнить о своем гневе за то, что она позвонила его боссу, Салливан почувствовал глупое желание покровительствовать ей.

– Вам следовало бы закрывать входную дверь, когда вы работаете здесь, – неприветливо сказал он ей.

Что-то побуждало его на этом закончить, развернуться и уйти. Такую девочку, как она, безусловно, нужно защищать от такого парня, как он. Парня, который видел столько зла, что, кажется, оно поселилось в нем. Зло, которое сможет потушить окружающий ее свет.

Однако, если он уйдет без объяснений, она будет бесконечно доставать его или его босса. Поэтому он заставил себя пересечь двор и встал так, что его тень легла на ее лицо.

Он редко когда пожимал кому-либо руку. Поэтому он сильно удивился своему желанию протянуть ей ладонь.

– Сара Макдугалл? – спросил он, а на ее кивок ответил: – Я Салливан.

С ее лица сошло раздосадованное выражение. Она даже казалась взволнованной. Он был рад, что запихнул руку в карман вместо того, чтобы протянуть ее ей.

– Мистер Салливан, – сказала она, вскочив на ноги. – Я так рада, что вы пришли. Могу я звать вас Оливером?

– Нет, не можете. Никто не зовет меня Оливером. И не мистер, – сказал он, его голос был делано холодным. – Офицер.

В ее глазах появилась настороженность. Разве она еще не поняла по его телефонному молчанию, что он действительно заслуживал ее настороженности?

– Никто не зовет вас Оливером?

– Нет. – Он слегка повысил голос.

– Даже ваша мама?

Она скептически подняла бровь. Ее взгляд казался немного смешным, как будто волнистый попугайчик пытался напугать на себя устрашающий вид.

– Умерла, – резко выпалил он.

Он заметил, как в ее глазах появилось сочувствие. Его мать умерла, когда ему было семнадцать лет. И отец тоже.

В том, что она неправильно истолковывала мотивы его прихода, не было никакого сомнения. Тем более, с таким человеком есть только один способ общения – грубая прямолинейность.

– Больше не звоните мне, – сказал он, выдерживая ее взгляд. – Я не собираюсь вам помогать. Даже если вы позволите мне шесть миллионов раз. Я не герой. Я не хочу быть вашим другом. Я не хочу спасти ваш городок. И не звоните моему боссу больше, потому что вам не стоит становиться моим врагом.

Салливан заметил, что умение читать людей слегка подвело его. Он посчитал, что ее легко будет запугать, заставить отступить. Вместо этого он увидел, как этот маленький ротик вытянулся в упрямую линию, а для него это значило

только одно – неприятности.

Сара, сбитая с толку, смотрела на своего незваного гостя. Его внезапно резкий тон и появление в ее саду усилили в ней ощущение неловкости. По дому всегда было чем заняться, работа никогда не заканчивалась. Но полная сосредоточенность на ревете сделала ее уязвимой. Хотя Сара подозревала, что, даже если ожидать этого мужчину, накрыть стол и надеть приличное платье, в его присутствии все равно будешь чувствовать себя неловко.

То видео плохого качества, которое она смотрела, как и миллионы других людей, на самом деле не подготовило ее к реальному Оливеру Салливану. Хотя она уже поняла по непринятым звонкам и упорному молчанию, что он не собирается быть тем «милым парнем, который спас щеночка».

Из тридцати секунд видео она сделала очень много выводов. Он был отважным. Это можно было прочесть в его глазах. Мужчина, который ничего не боится. Но она думала, что мужчина, рискнувший своей жизнью ради собаки, в конце концов, должен быть добрым и сердечным. И если его сообщение на автоответчике было чуточку резким, то это только из-за его профессиональной привычки. А с другой стороны, почему тогда он не перезванивал в ответ на ее настойчивые звонки?

И теперь он был откровенно груб с ней. Ничего сердечного в этих темных глазах не было. Они были холодными, оценивающими. Это была такая непреступная стена, что каза-

лось, легче взобраться на Эверест, чем преступить эту преграду. У Сары в душе зашевелилось сомнение. Реальный Оливер Салливан сильно отличался от той фантазии, которую она взращивала в себе с момента просмотра видео, и плохо вписывался в ее план.

Салливан был повседневно одет в темные джинсы, футболка болотного цвета обрисовывала его мощную грудь, твердые бицепсы. Сотни других парней в Кеттлбэнде носили то же самое, но она готова поспорить, что ни один из них не излучал столько неукротимой мощи. Он был одним из тех мужчин, которые излучают уверенность в своих силах, в своей возможности решить любую задачу, что бы ни случилось. Казалось, что он был всегда готов ко всему.

Это так не вязалось с атмосферой ее сада, что она улыбнулась бы, если бы не выражение его лица. Несмотря на потрясающе красивую внешность, у него был взгляд человека, который ожидал от людей только худшего и редко ошибался в этом.

И тем не менее он был невозможно хорош собой. Если бы его удалось уговорить на несколько интервью... Публике понравились бы его аккуратно подстриженные волосы темно-шоколадного оттенка, саблевидные брови над почти черными глазами. У него прямой нос, развитые скулы, широкие чувственные губы и маленькая ямочка на подбородке. Идеальный образ героя. Она не могла позволить себе испугаться перед ним. Он был нужен Кеттлбэнду.

Однако ее задело его замечание насчет двери. Саре Макдугалл не нужно было, чтобы за ней присматривали. Она была горда этим. Она чувствовала абсолютную независимость. Вернее – хотела чувствовать. Ей больше никто не нужен. Унаследовав этот дом и бизнес своей бабушки, она больше ни в ком не нуждалась. Она не могла испугаться его! Поэтому Сара уверенно, несмотря на его враждебность, сняла садовую перчатку, на всякий случай обтерла руку об шорты и, затаив дыхание, протянула ее ему.

Глава 2

Офицер Оливер Салливан смотрел на протянутую руку Сары, откровенно раздраженный ее попыткой пойти с ним на контакт.

Она поняла, что он намеревался просто уйти, передав ей свое недружелюбное сообщение. Но он этого не сделал. С явным нежеланием он принял ее руку, его пожатие было коротким и крепким. Она сохранила невозмутимое выражение лица, несмотря на дрожь, поднявшуюся от кончиков пальцев прямо до ее локтя. Приятно было ощущать это мимолетное волнение, неожиданное впечатление, ворвавшееся в жизнь.

Но Сара строго напомнила себе, что ее жизнь и без того полна впечатлениями, работой, смыслом. Она унаследовала дом бабушки в этом живописном городке и бизнес, который обеспечил ей заработок и вытянул из глубин отчаяния, когда ее помолвка была расторгнута. Кеттлбэнд дал ей то, чего, как она думала, у нее не будет уже никогда, – удовлетворение от жизни. Когда же она была честна с собой, Сара понимала, что это не все и не совсем то, чего она хотела. Иногда она чувствовала легкие уколы беспокойства, тоску по прошлой жизни. Не о своем романе с Майклом Талботом. Нет, с нее достаточно было предательств.

Это были воспоминания ее прежней жизни, когда она была писателем в популярном нью-йоркском журнале «Ребе-

нок сегодня». Они создавали ощущение смутной тоски, манили ее. Она регулярно брала интервью у новоиспеченных звездных родителей, ее приглашали на гламурные мероприятия, она была желанным гостем на открытиях бутиков. Ей это нравилось.

Мужчина, что стоял сейчас перед ней, представлял угрозу. Он мог усилить едва ощутимую тоску.

Сара напомнила себе, что она уже нашла способ уйти от своих смутных терзаний; она собиралась прогнать свое беспокойство новым объемным проектом, который должен был полностью ее поглотить. Ее новая цель – окружающие ее люди, жители этого города.

Она хотела вернуть город в то состояние, в котором он был во времена ее детства: толпы туристов на улицах, ощущение вечного лета, радость.

Поэтому после рукопожатия Сара скрестила руки на груди, будто защищаясь. Она не хотела показывать ему свое волнение.

– У меня большие планы насчет Кеттлбэнда, – сказала она ему. – И вы можете помочь мне в этом.

Она брала интервью у самых популярных людей мира и перед ним не отступит. Он долго и тяжело смотрел на нее, и вдруг подобие улыбки заиграло в уголках его чувственных губ.

– Нет, – произнес он.

Коротко, четко, непоколебимо. Улыбка исчезла, как будто

ее никогда и не было.

– Но вы даже не выслушали, что я хотела предложить вам! – возмущенно выпалила Сара.

Ей показалось, будто он даже задумался на долю секунды, но его глубокий утомленный вздох был совсем не обнадеживающим.

– Ладно, – немного погодя сказал он, в его темных глазах не отражалось эмоций. – Выкладывайте.

Выкладывать? Чего-то не хватало в этом приглашении к разговору. Но он хотя бы не уходил. Пока. Однако его жесты показывали, что нить, держащая его тут, очень тонкая.

– Ваш поступок был просто потрясающим. Очень мужественным.

Он совсем не выглядел польщенным сейчас, казалось, он был более склонен уйти, поэтому она поспешила продолжить:

– Я видела это в Интернете.

Его лицо еще больше потемнело, поэтому она не сказала, что смотрела ролик более дюжины раз, непонятно почему. Но она понимала, что была не одинока в этом. Видео завоевало сердца людей по всему миру. Она думала, что раз он здесь, в ее саду, то это возможность получить выгоду.

– Я знаю, что вы не очень давно в Кеттлбэнде, – продолжила Сара. – Разве вы не знали, насколько холодной была вода?

– Если бы я знал это, то никогда бы не прыгнул.

Этот ответ совершенно не подошел бы для дела.

Используя его недавно обретенную славу, его героический образ, она хотела сделать рекламу городу. Хотя сейчас это казалось маловероятным.

– Вы, наверное, очень любите собак? – спросила она, с растущим отчаянием пытаясь пробить брешь в его броне.

Он не ответил, но нетерпеливо провел рукой по своим густым темным волосам.

– Что вам нужно от меня?

– Ваша слава пойдет очень на пользу этому городу, – сказала она, всячески пытаясь не думать о том, какие его волосы на ощупь.

– Независимо от того, нравится ли мне это или нет, – скупко прокомментировал он.

– А что может не нравиться? Несколько интервью с тщательно подобранными СМИ. Это займет совсем немного вашего времени, – настаивала она.

Раздражение отобразилось на его лице. Но он не уходил. Как только она объяснит все, ему не останется ничего другого, как присоединиться!

– Вы знаете о фестивале Праздник лета? – спросила она его.

– Нет. Но звучит отвратительно.

Она почувствовала, что ее уверенность начала колебаться, и, чтобы скрыть это, она уставилась на него. Сара решила, что цинизм – это его реакция на все. Она решительно

продолжала:

– Этот фестиваль длится первые четыре дня июля. Он начинается парадом, а заканчивается фейерверком в честь Четвертого июля¹. Раньше с него начинался летний сезон здесь, в Кеттлбэнде. – Сара затихла в ожидании его вопроса, но он только приподнял бровь. – Пять лет назад его отменили. От этого город стал только сильнее пустеть, терять свою атмосферу. Это уже не то место, куда я приезжала ребенком.

– Приезжала?

Ее удивило, что он не заинтересовался ни одним словом, кроме этого.

– Так вы тоже не местная?

Тоже. У них есть нечто общее. Нужно это использовать.

– Нет, я выросла в Нью-Йорке. Но моя мама родом отсюда. Я оставалась здесь на лето. А вы откуда? Что привело вас в Кеттлбэнд?

– Временное помутнение разума, – проворчал он.

Он явно не собирался рассказывать о себе, но и не уходил, поэтому Сара продолжила, пытаясь заинтересовать его:

– Это дом моей бабушки. Она оставила его мне после смерти. Вместе со своим бизнесом по производству джемов. Вы, наверное, слышали о нем. Здесь в городе они очень популярны.

Сара не была уверена, что заинтересовала его. Его невозможно было понять. Но она все же почувствовала себя уве-

¹ Четвертое июля – День независимости США.

ренной. Хотя теперь ей показалось это подозрительным. Салливан был таким мужчиной, который все узнавал о людях, при этом ничего не рассказывая о себе.

– Послушайте, мисс Макдугалл. – Сара заметила, что он не обращался к ней по имени, и поняла, что он всячески пытается сохранять дистанцию. – Это все, конечно, не имеет ко мне отношения, но, скажу честно, ничего и никогда не кажется таким же, как в детстве.

Как у него получилось всего лишь одной фразой осадить ее, заставить чувствовать себя безнадежно наивной, будто она гонялась за иллюзиями. А что, если он прав?

Эти уверенные и циничные мужчины все время так поступают. Заставляют всех вокруг сомневаться в себе, своих надеждах и мечтах. Что ж, она не предоставит свои мечты и надежды на попечение еще какому-либо мужчине. Майкл Талбот уже преподавал ей урок. Когда до нее дошли слухи о романе между ее женихом Майклом, главным редактором журнала «Ребенок сегодня», и кокетливой Триной, фрилансером, Сара отказалась верить в это. Но потом она увидела их в кафе. Как-то уж слишком мило и не по-деловому они жались друг к другу. Ее мечты о маленьком уютном домике, полном детишек, развеялись в пыль.

Без каких-либо обвинений она просто сказала Майклу, что видела его и Трину. На его лице появилось виноватое выражение, которое сказало все за него.

Теперь у Сары была другая мечта, более надежная и ре-

альная. Просто вернуть город к жизни.

– Нет, это имеет к вам отношение!

– Я не понимаю, какое именно.

– Меня поставили ответственной за Праздник лета. Мне дали всего один шанс, чтобы возродить его, доказать, как он полезен для этого города, – объяснила она.

– Удачи вам в этом.

– Мне не выделили бюджет на раскрутку. Но я готова поспорить, что с тех пор, как эту запись показали в вечерних новостях, ваш телефон без конца трезвонит. – Она прочла ответ на его лице. – Вам звонили со всевозможных ток-шоу, не так ли?

Он скрестил руки на груди, внимательно глядя на нее.

– Они умоляют вас об интервью? – угадала она.

– Вы будете рады узнать, что на их звонки я тоже не отвечаю, – сухо ответил он.

– Я не рада этому! Если бы вы могли согласиться на несколько интервью и упомянуть в них город и Праздник лета! Если бы вы только сказали, насколько прекрасен Кеттлбэнд, и пригласили всех приехать первого июля. Вы могли бы сказать, что будете главным церемониймейстером парада!

Она выпалила это разом.

– Главным церемониймейстером парада? – пораженно повторил он. – Нет.

Она понеслась дальше, как будто он ничего и не говорил:

– Я не надеюсь, что смогу достучаться до миллионов лю-

дей без бюджета. Но, Олив... мистер, офицер Салливан, вы можете. Вы сможете легко вернуть Праздник лета в Кеттлбэнд!

– Нет, – снова, уже тверже, сказал он.

– Быть копом в маленьком городке – это все-таки немного больше, чем арестовать какую-нибудь бедную старушку за воровство губной помады в супермаркете!

– Да, арест старушек в супермаркетах, – сухо сказал он, – примерно так можно охарактеризовать то, чем я сейчас с большим успехом занимаюсь. Раньше я занимался несколько другим.

Несмотря на каменное выражение его лица, Сара позволила себе легкую надежду. Ему не чуждо чувство юмора, и он, наконец, рассказал что-то о себе.

Она улыбнулась. Он попятился назад.

– Позвольте мне подумать над этим, – сказал Салливан настолько сухо, что она чуть не расплакалась.

Сара поняла, что это маневр отступления. Он пытался ускользнуть от нее. Все время, пока она преследовала его звонками, Сара была уверена, что стоит только объяснить ему, ради чего все затевается, и он согласится на ее просьбу.

– Нет времени на размышления, – сказала она. – Вы на пике популярности сейчас. – Она чуть помедлила. – Офицер Салливан, я умоляю вас.

– Мне не нравится спонтанность.

Его тон показал, что ему претило быть на пике популяр-

ности и его не трогали мольбы.

– Но вы же прыгнули в реку за той собакой. Что может быть более спонтанным?

– Кратковременное отступление от принципов, – резко ответил он. – Я же сказал, что подумую над этим.

– Это означает – нет, – сказала она расстроено.

– Ладно, значит, нет.

Что-то в его фигуре, во взгляде говорило о том, что он принял окончательное решение. Он никогда не будет размышлять много об этом, никогда не передумает. Она могла до посинения говорить с ним, оставлять ему на автоответчике тысячи сообщений, ходить к его боссу. Но он уже все решил.

– Извините меня, – сказала она натянуто.

Она наклонилась, подняла ремень, будто он мог защитить ее, и направилась к задней двери своего дома. Перед таким бессердечным мужчиной, как он, не было смысла плакать.

Когда она оглянулась назад, ей показалось, что он понял, как раздосадовал ее.

– Вам стоит попробовать джем из дички, – бросила она через плечо. – Он варится из диких яблок. Моя бабушка клялась, что он помогает от нервов.

Она открыла заднюю дверь и позволила ей захлопнуться. Эта дверь вела в небольшую прихожую, а потом на кухню. Ее встретил острый запах джема из ревеня, что она приготовила вчера. Все столешницы были завалены ревенем, ей нужно

было сварить еще партию джема сегодня.

В это время года бабушка всегда делала свой весенний джем, который, как она говорила, придавал игривое настроение, лечил от старых душевных ран и вселял надежду. Но из-за разговора, который только что был, посмотрев на липкие лужицы, что остались после вчерашней готовки, и на кучи ревеня, с которым нужно было расправиться сегодня, Сара почувствовала далеко не надежду. Скорее, ужасную усталость.

Не найдя свободного места для растения, она бросила его на пол и осмотрела свою кухню. Нужно было перемыть весь ревень. Какая-то часть растений уже начала твердеть, и ее придется почистить. Ревень нужно было порубить и приготовить вместе со всеми остальными ингредиентами в такой огромной кастрюле, что Саре казалось, бабушка купила ее у каннибалов. Потом нужно было подготовить банки и этикетки. И в конце концов, доставить готовый продукт всем постоянным клиентам.

Она почувствовала усталость от одной мысли об этом. Вдруг в голову прокралось сомнение. Действительно ли это та жизнь, о которой она мечтала?

Ее бабушка занималась этим маленьким бизнесом до восьмидесяти семи лет. Она никогда не казалась подавленной им или уставшей. Сара поняла, что у нее сейчас переломный момент в жизни. Это заставляло размышлять о том, какое занятие или идея могли бы заполнить пустоту в душе.

Недовольная собой, Сара переступила через связку ревеня и подошла к шкафчику, в котором хранила телефонную книгу. Ладно. Он не собирается помогать ей. Наверное, это к лучшему. Ее жизнь была бы слишком связана с его, если бы он согласился использовать свою славу на пользу городу.

Она и сама может это сделать.

– Радиостанция Ви-джи-ай-ви, с кем вас соединить?

– Тэлли Хаскас, пожалуйста.

После разговора с Тэлли Сара почему-то почувствовала себя немного виноватой. Но защищать офицера Оливера Салливана от его же собственной вредности не входило в ее планы.

«Так что, – вещал голос Сары делано радостным тоном, – если у вас есть немного свободного времени, чтобы помочь сделать наш Праздник лета самым лучшим, позвоните мне. И помните, Кеттлбэнд нуждается в вас!»

Салливан резко выключил радио. Он был абсолютно прав в своих выводах по поводу Сары Макдугалл: она сложная, и с ней будет много проблем. В этот раз она не обратилась к его боссу. О нет, она обратилась ко всему городу через местную радиостанцию на программе Тэлли Хаскас. И долго она не медлила. Он ведь только вчера был у нее дома.

Несмотря на свой безобидный вид, Сара не задумываясь толкнула его под поезд, провозгласив всему городу, что у нее появилась такая прекрасная идея – разрекламировать летний фестиваль, привлекая к этому его, а он, мол, отказался.

Ну что ж, единственное, чего она не учла, так это то, что ему наплевать, будет ли он городским злодеем или нет. Ему на самом деле в этой роли будет более комфортно, нежели в той, которую она для него выбрала. Чего он не мог понять, так это того, почему так долго думал о ней, когда покинул ее дом. Если он не ошибался, то у Сары Макдугалл глаза были на мокром месте, когда она проходила мимо него. Но ей стоило учитывать последствия, когда она пыталась найти местного героя: не пробиваемый слезами мужчина – не самый удачный выбор. По долгу службы он насмотрелся на слезы достаточно. Если не ожесточить свое сердце, то утонешь в горе других людей.

Ему пришлось обидеть Сару. Не было другого выхода. Это был единственный способ заставить такого человека, как она, отступить. Тем не менее, услышав ее голос по радио, он попытался накрутить себя до раздражения. Он с неохотой должен был признать, что ее голос вызвал в нем еще и реакцию другого характера. Смутную тоску. Ту же тоску он почувствовал на веранде ее дома и когда запах из ее кухни зашекотал нос. Что это было? Желание отдохнуть, успокоиться?

Он был копом в крошечном городке. Куда еще спокойнее? Кроме того, по его опыту, отношения с женщинами – далеко не спокойное занятие. Они были какими угодно, только не спокойными.

Салливан был женат недолго. Брак не выдержал суровых

испытаний его первого года в убойном отделе. Последней каплей стало то обстоятельство, что кто-то неудачно позволил себя убить, в то время как Салливан должен был присутствовать на свадьбе сестры его жены.

Он вернулся в квартиру, освобожденную от всех ее вещей и от доброй доли его. Что он почувствовал в этот момент? Облегчение. Чувство, что теперь он сможет выкладываться на все сто процентов ради службы, которая была чем-то бóльшим, чем просто работой. Скорее – одержимостью. Идея выловить плохого парня владела им. Он работал не ради графика или зарплаты. Это была жизненная миссия.

Салливан вздрогнул, внезапно осознав, что все эти мысли об отношениях были вызваны этой маленькой смутьянкой. Он обрадовался, когда у него зазвонил телефон, так как это отвлекло его от подобных размышлений. К тому же о его дисциплине ходили легенды, как и о его одиноком образе жизни. Он взглянул на определитель номера.

Его босс. Много времени не понадобилось. Салливан подумал было не поднимать трубку, но решил, что откладывать неизбежное нет смысла. Он держал телефон на приличном расстоянии от уха, чтобы не оглохнуть от негодования шефа.

– Да, сэр, понял. Я мою все машины. – Он снова убрал телефон от уха. – Да, я понял. Да, сэр. – Он снова начал слушать. – Я уверен, что вы позвоните мне снова, как только придумаете еще что-нибудь. Я буду ждать с нетерпением. Нет, сэр, это не было сарказмом. Вырезвитель тоже. Понял.

Салливан повесил трубку, а то шеф придумал бы еще много разных способов сделать его жизнь несносной.

Он вышел из машины. Сквозь раскрытую переднюю дверь дома Деллы Салливан услышал, как его племянники, четырехлетний Джет и полуторогодовалый Ральф, шумят. Он поднялся по ступенькам и дернул дверь. Не заперто.

Он вошел, переступив через корзину, полную белья, и трехколесный велосипед. Раньше его сестра была просто помешана на чистоте, ее одержимость порядком, как и его одержимость контролем, была вызвана смертью их родителей.

Он подумал, что беспорядок, наверное, к лучшему, и был рад за нее, что она продолжает жить дальше, несмотря ни на что.

Салливан обнаружил свою сестру на кухне. Мальчики пронеслись мимо него, сначала похрюкивающий от смеха Джет на полной скорости. Он изводил Ральфа, держа его медвежонка на вытянутой руке, до которой тот не мог дотянуться. Ральф решительно семеня за ним, не понимая, что его настойчивость только подпитывала ликование брата.

Делла оторвалась от противня с печеньем и, увидев Салливана в дверном проеме кухни, вздрогнула.

– Ты напугал меня.

– Ты сказала приходить к пяти. На ужин.

– Я потеряла счет времени.

– Тебе повезло, что это я. Тебе следует закрывать дверь, –

сказал он ей.

Она посмотрела на него с явным неодобрением. Но ее взгляд не оставил ему сомнений, что она слушала радиопередачу Тэлли Хаскас.

– Сара Макдугалл пытается помочь городу, – осуждающе сказала Делла.

Джет пронесся мимо, гогоча, высоко подняв игрушку. Салливан выхватил ее из его рук и отдал Ральфу. К счастью, уровень шума мгновенно снизился. Салливан заметил аккуратно упакованный пакет печенья с шоколадной крошкой на столешнице. После ужина в кругу семьи его сестра, как правило, отправляла его домой с пакетиком сладостей.

– Это мне? – спросил он, также надеясь, что она поймет его нежелание разговаривать о Саре Макдугалл.

Но его сестра никогда не понимала намеков.

– Нет, не тебе, – резко ответила она.

– Ну ладно, Делла. Меня шеф и так уже наказал, – заворчал он.

– Как? – скептически спросила она, вероятно сомневаясь, что шеф может придумать наказание достаточно справедливое.

– Скажем так, в моем будущем будет много блевоты.

– Хм.

Ей приходилось встречаться с блевотой почти каждый день. Это ее не впечатлило. Она убрала запакованные печеньки.

– Я отдам их на благотворительную продажу выпечки в поддержку Праздника лета.

– Ну, перестань, Делла.

– Нет, это ты престань. Кеттлбэнд теперь твой новый дом. Сара права. Нужно что-то сделать. Нужно, чтобы людям было небезразлично, что происходит вокруг. Все такие эгоистичные, а на внешний мир наплевать. Кеннеди говорил: думай не о том, что страна может сделать для тебя, а о том, что ты можешь сделать для страны!

– Речь идет о Празднике лета, а не будущем нашей нации, – напомнил он ей, но при этом почувствовал укол. Это было чувство вины.

– Речь идет об отношении! Перемены начинаются с малого!

Его сестра так напыщенно разглагольствовала сейчас, потому что у нее были дети, и она чувствовала себя ответственной за воспитание добропорядочных членов общества. Он взглянул на племянников. Джет сладкими речами пытался завоевать обратно доверие брата, чтобы завладеть игрушкой. Салливан понял, что его сестра взяла на себя грандиозную задачу. Если она тоже решила обработать Салливана, ее ждет неудача.

– Почему ты не хочешь дать пару интервью, если это может помочь городу? – давила на него Делла.

– Я не уверен, что четыре дня летнего веселья помогут городу, – терпеливо ответил он. – Я здесь не долго, но мне

кажется: что уж действительно нужно Кеттлбэнду, так это рабочие места.

– По крайней мере, Праздник лета – это попытка, – упрямо сказала Делла. – Он привлечет людей и деньги.

– Временно.

– Это лучше, чем ничего. И один человек, ратующий за идею, может повести за собой людей.

Салливан принял во внимание ее слова и серьезное выражение лица. Может, он поторопился с отказом? Странно, даже нагоняй шефа не изменил его мнения. Но неодобрительный взгляд сестры заставил его смутиться. Он опять некстати вспомнил слезы, наворачивающиеся на прекрасные глаза Сары Макдугалл.

– Мне не нравится связываться с прессой, – наконец сказал он. – Они постоянно умудряются переиначить то, что ты говоришь. После дела Алгардов я не знаю, что может заставить меня согласиться на интервью.

Что-то поменялось в выражении лица Деллы после того, как он вспомнил это дело. Оно убило в нем детектива. Может быть, и человека тоже. В любое другое время он воспользовался бы ее симпатией к нему, чтобы завладеть печеньем. Но внезапно все то зло, что он повидал, вдруг встало между ними и отделило Салливана от ее мира, мира сладостей и детского смеха.

Ранее им приходилось противостоять злу вместе. Их родителей убили по ошибке, перепутав с кем-то. Делла сберег-

ла то, что осталось от их семьи.

Именно она не давала ему свернуть с правильного пути, когда намного проще было бы пустить все на самотек.

Только после того, как он окончил школу, она предпочла сбежать от своей прошлой жизни, из большого города.

А что сделал он? Он погрузился в эту жизнь полностью.

– Как они смогут исказить твои слова о спасении собаки? – спросила она смягчившимся голосом.

– Я плохо получаюсь в интервью, – сказал он. – Меня воспринимают как холодного и бессердечного.

– Ничего подобного, – сказала она неуверенно.

– Обязательно выплывет наружу то, что я даже не люблю собак.

– А так тебя будут воспринимать как типа, который думает только о себе.

– Потрясающе.

– Стопроцентный, натуральный эгоист.

Она засмеялась, неохотно, но смягчаясь. Но не настолько, чтобы достать печенье из шкафа. Он поспорил сам с собой, что он прихватит себе это печенье до того, как уйдет отсюда.

Как бы удивило эту смутьянку Сару Макдугалл его умение быть очаровашкой, когда ему этого захочется. Он снова думал о ней. И ему это не нравилось.

– Тебе стоит обдумать это, – упорствовала его сестра.

Ему пришла мысль, что, если он будет иметь дело с прессой, его жизнь осложнится всего на несколько минут. Ес-

ли же он не пойдет навстречу сестре и боссу, то его жизнь осложнится на более длительный срок.

– Я думаю, – сказала Делла, предоставив ему десять секунд на размышления, – что тебе стоит сказать «да».

– Ради блага города, – кисло ответил он.

– И ради своего блага тоже.

Что-то в его сестре всегда заставляло его быть лучше. Только она знала всю правду о нем. Для нее он сделает что угодно. Тем не менее она никогда не пользовалась этим. Она редко просила его о чем-либо. Салливан тяжело вздохнул. Он чувствовал, что его подталкивали туда, куда ему не хотелось идти. Совсем.

Глава 3

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент. Сара пыталась разлить новую партию джема из ревеня по банкам. Как у ее бабушки получалось это сделать, не пролив его повсюду? Он стекал по стенкам банок, портя этикетки. Она умудрилась оставить липкие капли везде, включая свои волосы! Сара чувствовала себя полностью выжатой.

Из-за вчерашней радиопередачи Тэлли Хаскас ее телефон звонил чаще обычного. При каждом звонке у нее возникала одна и та же мысль, с тех пор как она переехала сюда. Она надеялась, что звонит Майкл. Она надеялась, что он хочет молить ее о прощении. Она надеялась, что он звонит, чтобы умолять ее вернуться!

– Я не могу дождаться, когда скажу ему «нет», – сказала Сара, стерев желе со своей руки, прежде чем поднять трубку.

Мольбы ее бывшего о прощении отлично помогут справиться с душевными ранами!

– Мисс Макдугалл?

Это точно был не ее бывший жених, Сара узнала бы этот голос. Она замерла и слизнула джем с запястья. У нее почему-то колотилось сердце.

Джем показался слишком резким.

– Оливер? – спросила она.

Она специально обратилась к нему по имени, надеясь вы-

вести его из себя. Без сомнений, он звонил не по своей воле. Он был вынужден сделать это из-за дурной славы, которую получил после вчерашней передачи. Ей понравилось ощущение собственного превосходства.

Но ей также нравилось произносить его имя. Ей нравилось оно с того самого момента, как она впервые посмотрела видео.

– Новое фантастическое видео с Оливером Салливаном из Кеттлбэнда, штат Висконсин...

Его молчание удовлетворило ее. Как вдруг оно было нарушено криком младенца. На долю секунды она предположила, что Оливер Салливан женат. У него не было обручального кольца. Но многие мужчины не носят кольцо. Особенно если по долгу службы ношение кольца может представлять опасность. У нее екнуло в груди.

– У меня критическое положение, – сказал он немного погодя. – Я уже испробовал все. Я не могу успокоить ребенка.

– Какого ребенка?

– Мой племянник, Ральф. Моя сестра жалеет меня за то, что я веду холостяцкий образ жизни...

Почему-то ей показалось, что ее мир вновь озарился светом. Но ее мир – это джем и Праздник лета, строго напомнила она себе.

– ...и приглашает меня на ужин, когда у меня выходной день. Вчера ее муж попал в аварию по дороге домой. Ей пришлось срочно уехать. Я не хочу звонить ей в больницу и го-

ворить, что малыш плачет без умолку. У нее достаточно проблем и так.

Сара знала, что за этим суровым обликом прячется такой мужчина. Мужчина, который спасет собаку, оградит свою сестру от больших переживаний.

– Как ваш зять?

– Джонатан в порядке. Его травма не опасна для жизни. Это сложный перелом, требующий операции, и он достаточно серьезный, раз она не уезжает от него. Поэтому я здесь, – сказал он.

Сара подумала, что это тоже характерно для него, и легкая дрожь пробежала по телу. Невероятно преданный, если кто-то или что-то попадало под его опеку. Это казалось маловероятным. Как и этот звонок. Его голос показался ей сексуальным.

– Джет, слезь оттуда! Я с четырехлетним племянником, который висит на шторах и напрашивается на порку. И младенцем, который не прекращает плакать. Не знаю, кому позвонить.

Сара была удивлена, услышав нотку беспокойства в его голосе. Паника?

– А почему вы позвонили мне? – мягко спросила она.

Она представила себе, что он скажет ей: «Я не могу забыть твое лицо. С такой женщиной, как ты, мужчина мечтает завести детей. Ты знала, что в твоих глазах теплится нежная красота?»

– Ваша передняя дверь была открыта, когда я заходил к вам. Я увидел обложки журналов на стене. Я подумал, что вы эксперт по детям. Правда, Ральф не совсем сегодняшний ребенок. Ему полтора года. И еще я подумал, что у меня есть преимущество перед вами.

– Преимущество?

– Вы хотите, чтобы я дал несколько интервью. У вас есть удостоверение эксперта по детям. Мы можем договориться.

Это не была мольба в прямом смысле этого слова, зато это было потрясающее отступление. Но настолько далеко от того, что она себе представляла, что она рассмеялась.

– Я должна предупредить вас, что мои познания в детях чисто теоретические.

– Так вы не эксперт по детям?

– Я работала в этом журнале четыре года. Я была писателем. Я брала интервью у новоиспеченных мам и писала статьи.

Она почувствовала себя так, будто устраивается на новую работу. И что самое странное, она почувствовала, что хотела бы получить ее! Она специально не сказала ему, сколько очерков она сделала на тему ремонта детских комнат, решив, что он посчитает это несерьезным. Она также не упомянула, что знает по крайней мере двенадцать способов излечить сыпь от подгузников, подумав, что это просто вынудит его повесить трубку.

– Какие-нибудь из этих статей были на тему плачущих

младенцев? – спросил он. Она была права. В его голосе слышалось отчаяние и паника.

Сара подавила смешок. Младенец мог поставить на колени этого здоровенного мужчину!

– Дюжины, – ответила она. – Я написала множество статей на тему орущих младенцев.

– Он уже два часа плачет.

– Младенцы очень чутко реагируют на напряжение, – сказала она.

– Мое? – скептически спросил он.

– Возможно, какая-то интонация в голосе его мамы, когда она уходила, изменения в режиме, теперь ее отсутствие, а еще и папа домой не возвращается. Он понимает, что что-то не так.

– Вы точно эксперт! Вы можете выручить меня, Сара?

Вместо того чтобы злорадствовать, она сфокусировала свое внимание на другом. Не мисс Макдугалл. Сара. У нее было ощущение, будто ее сердце начало таять, и это должно было ее насторожить. Но он сказал, что даст интервью! Во благо города она должна была это сделать.

– Что вы хотите, чтобы я сделала?

– Приезжайте сюда.

Внезапно она почувствовала, что играет с огнем. Она была слишком рада разговору с ним, и это было не только из-за его согласия.

«Не ходи туда», – предупредила она себя. Она могла бы

дать советы по телефону. Она могла обезопасить себя.

Сара заметила свое отражение в зеркале над кухонной раковиной. Она сильно разругалась, будто девочка-подросток, которой впервые позвонил мальчик. Ей нужно было думать о новой себе – независимой, невосприимчивой к слабостям сердца.

Вдруг она услышала грохот и рев.

– Что это было?

– Только что свалились шторы в гостиной. И мой племянник вместе с ними.

– Я выезжаю.

– Правда?

– Правда.

Он назвал адрес.

– Возьмите с собой немного того джема, – посоветовал он. – Дичка, верно? Который, как говорила ваша бабушка, лечит нервы. Еще никому он так не был нужен.

– Вам или ребенку?

– Обоим, – сказал он печально.

Казалось, будто он помнит все, что она говорила ему. Сара понимала, что не стоит так этому радоваться.

– Поспешите, пожалуйста.

Если бы она не спешила, то могла бы произвести на Оливера Салливана лучшее впечатление. Она могла сделать прическу и накраситься. Можно было бы надеть что-нибудь кокетливое и соблазнительное. Но ребенок уже охрип и икал.

Это создавало ощущение срочности. И еще она не хотела суетиться, пытаясь понравиться Салливану. Ситуация и так была сложной, без их влечения друг к другу.

Пятью минутами позже она закрывала дверь, стараясь не допустить мысли о том, как она рада на самом деле сбежать от этих липких банок. Через некоторое время Сара прибыла к очаровательному маленькому домику, почти такому же, как и ее.

Когда Салливан открыл дверь, она поняла, что попытка удержать влечение будет подобна попыткам задержать прилив.

Он был просто восхитительный. Несколько дней назад он весь был холодное спокойствие. Сегодня ей открыл дверь неотразимый мужчина, как и тот, которого она видела в ролик. Его темные волосы были растрепаны. Щетина оттеняла лицо. В его глазах читалась усталость. Его футболка взмокла от слез. А на руках он держал ребенка. Было что-то захватывающее в контрасте между таким сильным мужчиной и младенцем на его руках. Он держал ребенка, крепко прижав его к широкой груди. Несмотря на то что он был измотан, поза Салливана говорила сама за себя. Этот хрупкий младенец был в безопасности с ним.

Маленький мальчик протиснулся у ног Салливана и толкнул сетчатую дверь. Когда она открылась, он вскрикнул и побежал на свободу, но его дядя, освободив руку, схватил мальчика за воротник и вернул обратно в дом. Ребенок, по-

добно заводной игрушке, наткнувшейся на препятствие, поменял направление и побежал вниз по коридору.

– Заходите, – сквозь крики младенца и визг своего второго племянника предложил он.

Сара понимала, что входит в опасную зону, незнакомую ей доселе. Вид Оливера Салливана, стоящего здесь с ребенком на руках, только подтверждал это. Он по-прежнему выглядел как воин, сильный, внушительный. Но она подозревала о его усталости. Его внезапное погружение в баталию, к которой он был, очевидно, плохо подготовлен, почти довело его до капитуляции.

«Беги», – сказала она себе.

Но бегство выглядело бы глупо, а она не хотела выглядеть глупо перед ним. Возможно, ей стоит смотреть на это как на испытание ее смелости. Глубоко вздохнув, Сара вошла в раскрытую дверь. Будто сам дьявол старался, создавая идеальную западню, чтобы соблазнить ее от той жизни, которую она сама выбрала для себя. Младенец был частью этой западни. Очаровательный, несмотря на свои крики. Его лицо покрылось красными пятнами от плача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.